

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРОЛОГ

11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

15

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

109

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

211

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

277

ЭПИЛОГ

327

БЛАГОДАРНОСТИ

331

Строптив мой дух, сомненья нет <...>
Но зато не умолкнет печальная песнь,
Моей жалобы стон,
Пока звезд я алмазных течение,
Пока дня я сияние вижу! <...>
Дланью врагов своих
В прах обращен, в ничто,
Спит в могиле он,
А убийц чета
Мзды не знает за кровь его.
Где ж быть тут страху,
Где быть стыду в жалком роде смертных?*

Софокл *Электра*

* Перевод с древнегреческого Ф. Зелинского.

П Р О Л О Г

Э Л Е К Т Р А

Микены безмолвствуют, а мне нынче ночью не заснуть. Дальше по проходу — покои брата, он-то спит наверняка, сбросив покрывала. Когда захожу по утрам его будить, вечно лежит, запутавшись в них ногами, словно во сне бегал наперегонки. Или догонял нашего отца, которого ни разу не видел.

Это отец дал мне имя при рождении. Огненная, раскаленная — в честь солнца. Так и сказал мне, маленькой еще: ты у нас как огонек. И добавил:

— Твоя тетка славится красотой, но ты и теперь уже сияешь ярче. И еще больше славы принесешь роду Атрея, дочь моя.

А потом поцеловал меня в лоб и поставил на ноги. Отцова борода щекоталась, но мне это даже нравилось. Я ему верила.

И теперь меня вовсе не волнует, что женихи не шумят в тронном зале, требуя моей руки. Я наслушалась историй о своей тетке Елене и ничуть ей не завидую. Поглядите, куда завела ее красота. В далекий чужеземный город, откуда нашим воинам десять лет уже не уйти. Десять лет я живу без отца, жадно хватаясь за всякое известие о победе, что доносят гонцы, следуя через Микены. И от таких известий переполняюсь гордостью и ликованием, ведь это мой отец Агамемнон так долго сражается и целое войско вдохновляет сражаться

день за днем, пока высокие стены Трои не рухнут, не рассыплются под тяжелой пятой завоевателей.

Все время вижу это мысленным взором. Как возьмет он наконец приступом городские ворота, как враги скорчатся у его ног. А после он вернется домой, ко мне. Преданной дочери, год за годом его ожидавшей.

Кто-то, конечно, припомнив тот его поступок, скажет, что он своих детей и не любил, иначе не сотворил бы такого. Но я помню объятия отца, стук его сердца над ухом и знаю: в целом свете не найти мне места надежнее.

Я всегда мечтала, повзрослев и став женщиной, оправдать его ожидания и, останься он, непременно оправдала бы. Была бы достойна имени, данного отцом.

Больше всего на свете хочу, чтобы он мной гордился.

Мать теперь наверняка бродит по дворцу, вперив глаза в далекий мрак. Она передвигается бесшумно — легкую поступь смягчают подошвы изящных сандалий, волосы ее перехвачены на затылке алыми лентами и пахнут измельченными лепестками да душистым маслом, лощеная кожа поблескивает в свете луны. Не хочу с ней столкнуться, потому из покоев не выхожу. Вместо этого встаю и иду к узкому окошку, прорубленному в камне. Упершись локтями в подоконник, выглядываю наружу, но ничего не надеюсь увидеть — разве что горстку звезд. И вдруг на моих глазах над дальним горным пиком взвивается сигнальный огонь, а в ответ ему другой, потом третий — и вот уже вспышки по цепочке движутся к Микенам. Сердце колотится. Кто-то там шлет нам весть. А лишь одной вести все мы ожидаем сообща.

Вихрь янтарных искр вспархивает к небесам — новый огонь зажегся, еще ближе. Слезы выступают на глазах. Не в силах поверить, смотрю на огни, и во мне самой загорается искра ослепительного озарения: вот что это значит!

Троя пала.

Мой отец возвращается домой.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

К Л И Т Е М Н Е С Т Р А

Род Атрея носил проклятие. Страшнейшее, даже по меркам мучителей-богов. В истории этой семьи предостаточно было и зверских убийств, и прелюбодеяний, и чудовищного честолюбия, а людоедства — и вовсе сверх ожиданий. Все об этом знали, но когда Атриды, Агамемнон с Менелаем, прибыли в Спарту и предстали перед нами, двумя близнецовыми сестрами — а с тех пор целая жизнь прошла, — нелепые рассказы о младенцах, зажаренных и поданных родителям к столу, рассыпались в сверкающую на солнце пыль.

Два брата были в самом расцвете сил и не то чтобы красивые, но притягательны. Борода Менелая отливала рыжим, у Агамемнона же росла черная, как и густо кустившиеся на голове кудри. Перед моей сестрой стояли женихи и повиднее — стены огромного зала, где все они собрались, честное слово, едва ли не поскрипывали от натуги, не в силах вместить такое множество точеных скул, прекрасных плеч, выдающихся подбородков и сияющих глаз. Елене предлагалось выбирать из лучших мужей Греции, но смотрела она на одного лишь смущенного Менелая, а тот, неловко перенося с ноги на ногу груз могучего тела, тоже молча смотрел на нее во все глаза.

Дочь Зевса — вот что рассказывали о Елене. Это я ро-

дилась на свет самым обычным, презренным образом, с визгом и пунцовым личиком, а сестра моя якобы изящно выбралась из белоснежной скорлупы, вылупилась разом писаной красавицей. Сказание украшали причудливыми подробностями — всем было известно, что Зевс способен принимать разные обличья, и на сей раз он явился в белоснежных перьях, бесшумно подплыл к нашей матери, сидевшей у реки, с намерением самым очевидным.

Такой милостью от Зевса гордиться нужно. Вот что все говорили. Если сам правитель богов счел Леду, нашу мать, вполне привлекательной, то для семьи это великая честь. И нашему отцу вовсе не позорно растить плод сего союза.

О красоте Елены и впрямь ходили легенды.

И женихи десятками стекались во дворец. Отталкивая друг друга, кидались вперед, сиюсь разглядеть хоть мельком за трепещущим покрывалом лицо женщины, которая называлась красивейшей в мире. Постепенно их настроение менялось, нетерпение росло, и вот уже я заметила, что руки мужчин опускаются к бедрам, готовые схватиться за мечи. Заметила это и Елена и коротко повернулась ко мне — мы лишь тревожными взглядами перекинулись.

Стражники, стоявшие вдоль стен, выпрямились и крепче сжали копья. А я гадала, как скоро бурлящая гуща толпы может выплеснуться на нас и сколько времени охране понадобится, чтобы пробиться сквозь сутолоку.

Наш отец Тиндарей заламывал руки. Этот знаменательный день сулил ему столь многое — кладовые уже переполнились богатыми дарами, коими каждый жених хотел подкрепить выбор в свою пользу. Я видела, как вожделенны для отца и добыча, и положение, приобретенные сегодня. Беспечный, он во всем положился на наших крепких братьев — они всегда нас защищали, защитят и теперь, а я вот сомневалась, что даже с их мастерством можно устоять против целой армии мужчин, явившихся завоевывать Елену.

Я глянула на Пенелопу. Сероокая и молчаливая двоюродная сестра всегда сохраняла хладнокровие — здесь на нее можно было положиться. Но Пенелопа до того увлеклась Одиссеем, что на мой отчаянный взгляд не ответила. Эти двое неотрывно смотрели друг на друга, будто гуляли наедине по благоухающим лугам, а не попались в ловушку, оказавшись в одном зале с сотней забияк, готовых вот-вот вспыхнуть от одной только искры.

Я закатила глаза. Одиссей якобы тоже, как и все, пришел свататься к Елене, но, разумеется, всякий его поступок был лишь прикрытием для чего-то другого. Вот где твое знаменитое хитроумие нам, пожалуй, и пригодилось бы, думала я, досадуя на Одиссея, так невовремя предавшегося любовным грезам.

Но я ошиблась — моя сестра и ее возлюбленный вовсе не переглядывались мечтательно, а молча замыслили кое-что, и вот уже Одиссей, вскочив на помост, где сидели мы все, громко призывал к порядку. Хоть был он невысокого роста и кривоног, однако вид имел внушительный, и голоса сразу смолкли.

— Прежде чем госпожа Елена сделает выбор, — пророкотал он, — мы все дадим клятву.

Его слушали. Одиссей владел даром подчинять чужую волю собственному замыслу. Он даже мою мудрую двоюродную сестрицу очаровал, а я-то думала, что ни один мужчина с ней умом не сравнится.

— Мы все явились сюда нынче с одной целью, — продолжил Одиссей. — Все хотим взять в жены прекрасную Елену, и каждый вправе считать себя достойным такой супруги. Эта женщина — драгоценность превыше любой вообразимой, и мужчине, который назовет ее своей, придется защищаться изо всех сил, ведь Елену непременно захотят отнять.

Каждый представлял себя на этом месте, я видела. Каждый воображал, что именно ему она достанется, а Одиссеем мечту